

ами, горные мари), а также чуваш; к этому полюсу примыкает большинство северо-европеоидных и ряд континентально-монголоидных групп.

6. У айнов монголоидность, безусловно, не сводима к примеси. Несмотря на свое «южное» тяготение, айны, по-видимому, близки к какому-то древнему варианту монголоидной расы.

7. Полученные результаты свидетельствуют о южном происхождении чукчей, эскимосов и алеутов.

8. Наличие весьма специфических общих черт у ряда уралоязычных народов (кроме прибалтийских финнов, относящихся к европеоидам) не только подтверждает своеобразие уральской расы, но выявляет еще более широкую и древнюю общность. Уралоязычные народы, резко различаясь по степени европеоидности и монголоидности, тем не менее в своем большинстве противостоят обоим большим расам, обнаруживая отчетливо «северную» тенденцию, находящую максимальное выражение у юкагиров.

Я признателен Т. В. Томашевич, В. И. Хартановичу и Ю. К. Чистову за помощь в работе, а также И. И. Гохману за ценные замечания и поддержку.

Н. В. Шлыгина

БЫТ РАБОЧИХ ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Тематика финских этнографических исследований очень долго не выходила за рамки доиндустриальной культуры. Вне поля зрения этнографов оставались как современное крестьянство, так и рабочий класс и все городское население. Между тем крестьянство давно уже не составляет основной массы финского народа, как это было в прошлом веке, когда 85% населения было занято в сельском хозяйстве. По данным 1980 г. лишь 12,3% жителей работает в сельском хозяйстве и лесоводстве, две трети населения живет в городах, а в промышленности занято 26,7% всех трудоспособных, т. е. в два с лишним раза больше, чем в аграрной сфере¹.

Призыв к изучению современного быта впервые прозвучал в Туркуском университете в речи И. Талвэ, произнесенной им при вступлении в должность заведующего этнографической кафедрой, основанной в 1960 г. (в настоящее время — Институт этнографии Туркуского университета). Обращая внимание на важность этнографического изучения всех слоев населения Финляндии², Талвэ говорил о необходимости незамедлительно начать сбор этнографических материалов по «потерянному столетию», как назвал период 1860—1960-х годов видный датский этнограф Бьярне Стоклунд, отмечавший такой же пробел в этнографии скандинавских стран³.

За четверть века, прошедшие со времени выступления И. Талвэ, финскими этнографами немало сделано для изучения современного быта городского и сельского, рабочего и крестьянского населения, и можно уже подвести некоторые итоги. В настоящей статье мы остановимся на результатах изучения быта рабочих.

Следует сказать, что индустриализация в Финляндии была осуществлена сравнительно быстро — за последние 100 лет. Период с 1870 до 1920 г. финские ученые характеризуют как переломный этап (*turroskaui-*

¹ Finland in Figures. Central Statistical Office of Finland. Helsinki, 1983. P. 4, 7.

² *Talve I. Suomalainen kansatiede//Sananjalka. 1963. № 5. S. 107—197; idem. Suomalainen kansatiede//Scripta ethnologica (далее — SE). Turku, 1963. № 14.*

³ Цит. по: *Talve I. 1980-luvun kantietaen tutkimuskohtut ja menetelmät//Ethnos-toimite. 2. Helsinki, 1960 S. 21.*

си) в становлении промышленности. Лишь в 1920—1930-х годах механизация труда на предприятиях вступает в новую фазу, что означало ускоренное развитие индустрии. Индустриальной страной в общепринятом смысле Финляндия становится только в 1960-е годы⁴. Именно поэтому финским этнографам, приступившим в 1960-е годы к изучению рабочего быта, представлялась реальная возможность собрать достаточно богатый материал по раннему периоду его формирования методами опросов (были живы еще люди, помнившие заводской быт конца прошлого века) и непосредственного наблюдения (сохранились старые промышленные поселки, рабочие кварталы в городах, рабочие квартиры и т. д.). Привлекались также документальные источники, например, муниципальные данные о движении населения, акты гражданского состояния, церковные книги и т. д. Использовались местные газеты, краеведческая литература, работы по истории отдельных предприятий и фирм. В последнее время этнографы Финляндии при сборе материалов по рабочему быту широко применяют различные вопросники и анкеты⁵.

Наиболее широко исследования рабочего быта проводились Туркуским университетом⁶. Еще в 1959 г. университет обратился к изучению быта лесорубов, сплавщиков леса и рабочих лесопилок, вначале разослав соответствующий вопросник, а затем проведя ряд экспедиций в основные районы лесоразработок. Было опубликовано несколько работ о плотонах и рабочих лесопилок разных местностей Финляндии⁷.

С 1968 г. изучались условия труда и быта рабочих деревообрабатывающей, целлюлозной и бумажной промышленности более чем на 10 соответствующих предприятиях. Из публикаций по этой теме можно назвать монографию о целлюлозном заводе в Пюхтя (акционерное общество «Стокфорс»)⁸.

В 1962 г. было начато обследование быта рабочих стекольной промышленности (сейчас в стране около 10 стекольных заводов, но до 1930-х годов было примерно 30). Разрабатывалась эта тема в основном Вирпи Нурми, использовавшей разнообразные источники, в том числе личную переписку рабочих, муниципальные и церковные книги и т. п. Уже вышли ее публикации о быте рабочих завода «Скиннарвик», о жилищных условиях и питании рабочих стекольных заводов Финляндии⁹.

Старейшей отраслью промышленности в стране была железодельная. Так, предприятие Таалинтехдас (акционерное общество «Вяртсиля») возникло еще в 1686 г., когда недалеко от Турку, в пос. Дальбрук, была построена первая в Финляндии домна. Сбор материалов о быте рабочих Таалинтехдас студенты и преподаватели Туркуского университета начали в 1963 г., и теперь подготавливается обобщающая работа. Кроме того, изучались другие железодельные и металлообрабатывающие заводы, механические мастерские, в том числе предприятия многих старинных фирм, таких как «Хакман», «Фискарс», завод «Антсуга»¹⁰.

⁴ *Talve I.* Suomen kansakulttuuri (далее — SKK)//Suomen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia (далее — SKST). Helsinki, 1980. № 355. S. 267, 269—270; *idem.* Teollisuustyöväen työ- ja elämänoloista ennen I Maailma sota//Työväenliike kulttuuritekijana. Tampere, 1969. S. 18.

⁵ *Talve I.* Turun yliopiston kansatieteen laitos 1958—1983//SE. Turku, 1984. № 34. S. 64—67.

⁶ *Ibid.*, S. 36—46.

⁷ *Talve I.* Satakunnan uittotyöläisistä//SE. Turku, 1961. № 10; *idem.* Suomen sahatyöläisten työstä, työajasta ja palkaustavasta ennen 1920-luvun//SE. Turku, 1962. № 12; *Eenilä J.* Uitto ja uittotyöläiset Paimionjoen vesistässä//SE. Turku, 1965. № 21.

⁸ *Aho M.* Ab Stockfors Oy:n puuhiomon työntekijöiden työ- ja asumisolosta Pyhtäällä vuosina 1902—1950//Turun yliopiston Kulttuurien tutkimuksen laitos. Kansatieteen monistesarja (далее — ТУКМ). Turku, 1978. № 15.

⁹ *Nurmi V.* Skinnarvikin lasitehdas-puhalletua ikkunalasiasia 1875—1934 (далее — Skinnarvik)//SE. Turku, 1969. № 26; *idem.* Skinnarvikin lasitehdasyhdyskunnan aktiiviteettikenttä vuosina 1875—1934//ТУКМ. Turku, 1971. № 17; *idem.* Lasitehtain työsuhdeasunnot 1900-luvun alun Suomessa (далее — Työsuhdeasunnot)//ТУКМ. Turku, 1985. № 22; *idem.* Lasipuhaltajan ruoka ja juoma//Turun yliopiston kansatieteen laitoksen toimituksia (далее — ТУКТ). Turku, 1986. № 15.

¹⁰ См., например, *Huopainen R.* Sorsakosken tehdasyhteisö//ТУКМ. Turku, 1979. № 16.

Широко обследовались текстильные фабрики — ткацкая фабрика Дж. Баркера в Турку, суконная фабрика в Литтойнен и др.¹¹. Изучался быт рабочих тяжелых профессий — докеров, железнодорожных строителей и т. д.¹². Собирались материалы и о жизни ремесленников (городских и сельских), работавших как в мастерских, так и в одиночку, — сапожников, портных, пекарей, кузнецов¹³.

Большая часть собранных материалов еще не вошла в научный оборот и хранится в архиве Этнографического института Туркуского университета, как и рукописные студенческие работы, выполненные на их основе¹⁴.

Разумеется, рабочий быт изучался не только Туркуским университетом, но и другими научными учреждениями страны, причем не всегда как самостоятельная тема: он рассматривался и в исследованиях, посвященных городу, в частности пролетарским кварталам и пригородам больших городов. Среди этих исследований следует назвать первую современную монографию о городском быте в Финляндии Ю. У. Э. Лехтонена и М. Рясанена «Хаапаниemi в Куопио»¹⁵. Хаапаниemi складывался как рабочий пригород Куопио, там жили преимущественно трудящиеся костемольной, катушечной, шплинтовой и других фабрик. В монографии характеризуются их повседневный быт и изменения, происшедшие в образе жизни в период с 1920 по 1960 г.

Рабочей окраине (первоначально деревне) города Ювяскюля — Тоурула посвящена книга В. Анттила, в которой автор проводит разносторонний анализ этнографического материала и ставит ряд общетеоретических вопросов¹⁶. В работе Н. Эниля рассматривается формирование населения одного из рабочих кварталов г. Турку, получившего название «Порт-Артур»¹⁷.

Весьма разносторонние материалы, в том числе и этнографические, содержат некоторые современные социологические исследования по быту рабочих. Таковы, например, монографии М. Кортейнена об одном из микрорайонов Хельсинки, где большую часть населения составляют рабочие, и П. Ахпонен и М. Ярвеля, анализирующих сложный процесс миграции сельской бедноты в город¹⁸.

По опубликованным трудам наиболее четкое представление можно составить о рабочем быте периода с конца прошлого века по 1930-е годы. Это связано, во-первых, с тем, что исследователи обратились к тому наиболее отдаленному времени, по которому можно было еще собрать материал от очевидцев. Во-вторых, финские этнографы важное значение придают проблемам адаптации крестьянина (в том числе сельского мигранта в промышленности) к условиям капиталистического общества, особенно трудно протекавшей на раннем этапе индустриализации.

В «переломный период» происходила массовая миграция крестьянской бедноты в промышленность, чему немало способствовала механизация сельскохозяйственных работ, оставлявшая безземельных крестьян без куска хлеба¹⁹. Становясь рабочим, мигрант должен был отказаться от

¹¹ *Salkoranta M.* John Barkerin puuvillatehtaan työntekijöiden työ- ja asuntoolosuhteita 1900—1940//TYKM. Turku, 1977. № 13; *Hilpinen L.* Littoisten verkatehdas (далее — Littoinen)//Pieniä teollisuusyhdyksuntä I (TYKM. № 20). Turku, 1983.

¹² *Talve I.* Arbeit- und Lebensverhältnisse der finnischen Bahnarbeiter und Eisenbahner im Lichte der aufgezeichneten Erinnerungen//SE. Turku, 1984. № 18; *Aukia M.* Turun satamamiehistö. vuosina 1889—1939//SE. Turku, 1972. № 28; *Mattila M.* Radanrakentajasta rakennusmeistariksi//TYKT. Turku, 1981. № 5.

¹³ См.: *Talve I.* Turun yliopiston kansatieteen laitos. S. 42—46.

¹⁴ См.: *Talve I.* Turun yliopiston kansatieteen laitos. Liite 5. S. 76—81; Turun yliopiston kansatieteen laitoksen käsikirjoitusarkiston luettelo I—II//TYKM. Turku, 1967. № 9. 1974. № 19.

¹⁵ *Lehtonen J. U. E., Räsänen M.* Kuopion Хаапаниemi. Kuopio, 1973.

¹⁶ *Anttila V.* Jyväskylälan Tourula//Suomen Kirjallisuuden Seura//Suomi 123. 4. Helsinki, 1982.

¹⁷ *Eenila J.* Port-Arthur. Turkulainen työväen kaupungiosa 1900—1920//Turun kaupungin historiallinen museo. Turku, 1971.

¹⁸ *Kortteinen M.* Lähiö. Tutkimus elämäntapojen muutoksesta. Helsinki, 1982; *Ahponen P., Järvelä M.* Maalta kaupunkiin, pienitilalta tehtaaseen. Juva, 1983.

¹⁹ *Talve I.* Teollisuustyöväen työ- ja elämänoloista... S. 17.

многих привычных норм жизни: начиналось то, что образно называется «жизнью по свистку» — работа с почасовым расписанием, освоение новых трудовых навыков, жизнь под казенной крышей, приспособление к коллективу, отличному по структуре и функциям от сельского общества.

Исследования финских этнографов довольно полно и ярко характеризуют рабочий быт того времени. Разумеется, в рамках статьи можно коснуться лишь основных сторон домашнего и производственного быта рабочих Финляндии, и прежде всего проблемы обеспечения их жильем и едой.

Пока промышленных предприятий было мало и контингент рабочих на них был невелик, рабочие сами заботились о крыше над головой. В городах они, как и вообще низшие слои общества, селились на окраинах — либо на положении квартирантов, либо сами строили себе хибарку (mökki) в предместье и даже за чертой города. Эти «хибарочные поселки» (mökkiasustus) застраивались хаотично и нередко окружали город со всех сторон²⁰. Так, в Турку за чертой города жили в конце прошлого века 14,3% промышленных рабочих, а в 1900 г. — уже 22,6%²¹.

На старых предприятиях, расположенных в сельской местности, часть рабочих жила в своих домах в соседних деревнях, часть — близ предприятий в «хибарочных поселках»²². С 1870-х годов, когда промышленность стала развиваться быстрыми темпами и потребность в рабочих руках возросла, приток людей на предприятия оказался столь велик, что с жильем возникла кризисная ситуация. Даже если предприятие строилось в деревне, оно не могло обеспечить жильем всех пришедших рабочих. К тому же многие новые предприятия основывались в местах, наиболее удобных с точки зрения транспортных путей и энергетических ресурсов, но вдали от поселений, так сказать, «на пустом месте», так что для рабочих сразу требовалось жилье²³, которым в это время их обычно обеспечивал предприниматель. Вообще в период с 1870-х по 1920-е годы рабочие жили преимущественно на предоставляемых заводом квартирах. Формально жилье было бесплатным, фактически же это была плата рабочему натурой, составлявшая часть его заработка. Характерно, что на некоторых предприятиях тем, кто имел свое жилище, выплачивались «квартирные деньги». Бесплатно предоставлялись и дрова для отопления, а позже часто и электричество, что, конечно, учитывалось при оплате труда. В натуральную часть оплаты труда нередко, а в сельской местности как правило, входили клочок земли под огород, право выпаса коров на выгоне, участок покоса из земель, принадлежащих заводу²⁴.

Для рабочих строились как казармы, так и небольшие дома на несколько квартир. Господствующим типом была казарменная постройка — длинное одно- или двухэтажное здание с коридором во всю длину; по обе стороны коридора располагались жилые комнаты²⁵. Жили рабочие в этих домах крайне скученно. Обычно жилище рабочей семьи состояло из одной комнаты площадью от 12 до 24 м²²⁶, в ней находился и очаг для приготовления пищи. Именно такие «жилые кухни» (asuntokeittiö) были наиболее типичны для рабочего люда: они составляли в дореволюционный период от 53 до 65% всех рабочих квартир, а на некоторых предприятиях — более 80%. Только треть фабрично-заводских квартир имела кроме жилой кухни еще и камору; двухкомнатных квартир с кух-

²⁰ *Talve I.* SKK. S. 263—264, 273—274; *Salkoranta M.* Op. cit. S. 53—54; *Nurmi V.* Työsuhteasunnnot. S. 9.

²¹ *Salkoranta M.* Op. cit. S. 53.

²² *Talve I.* SKK. S. 276; *idem.* Teollisuustyöväen työ- ja elämänoloista... S. 29; *Aho M.* Op. cit., S. 81.

²³ *Sappinen E.* Friitalan nahkatehtaan työntekijöiden työstä ja elinoloista v. 1892—1939//ТЮКМ. 1974. № 8. S. 28; *Huopainen R.* Op. cit. S. 40; *Hilpinen L.* Littoinen. S. 73.

²⁴ *Talve I.* Teollisuustyöväen työ- ja elämänoloista... S. 25; *idem.* SKK. S. 272; *idem.* Suomen sahatyöläisen... S. 26—27; *Salkoranta M.* Op. cit. S. 56; *Aho M.* Op. cit. S. 81; *Nurmi V.* Skinnarvik. S. 22.

²⁵ *Talve I.* SKK. S. 273—274; *Salkoranta.* Op. cit. S. 56; *Sappinen E.* Op. cit. S. 28; *Aho M.* Op. cit. S. 81; *Nurmi V.* Työsuhteasunnnot.

²⁶ *Talve I.* SKK. S. 274; *Salkoranta M.* Op. cit. S. 58.

ней насчитывалось всего около 5% — это были квартиры мастеров²⁷. У рабочих семей, живших даже в одном помещении, часто был еще и квартирант из числа холостых рабочих. Известны случаи, когда в большой комнате ютилось несколько семей, а «границами их владений» служили определенные половицы. Но, как правило, в общих комнатах жили холостые рабочие. Девушкам, работавшим преимущественно на текстильных фабриках, нередко отводили отдельные дома, но жили они также по нескольку человек в одной комнате и в большой тесноте²⁸.

В те времена не существовало никаких форм общественного питания, поэтому для приготовления пищи очаг был необходим. Но не всегда в жилище была настоящая плита: нередко комната обогревалась голландской или открытым камином, и еду приходилось готовить в них на таганке²⁹. В некоторых казармах устраивались общие кухни, но вообще они были редким явлением. Обычно при заводе строились общая пекарня, где каждый мог печь себе хлеб, а также баня и прачечная, которыми рабочие пользовались по очереди, причем сами топили их и грели воду³⁰. В жилищах отсутствовали элементарные удобства: воду приходилось носить из колодца или естественного водоема, уборные ставились во дворе. Водоразборные колонки появляются только перед первой мировой войной, канализация — еще позже³¹. Рабочие казармы в переоборудованном виде сохранились кое-где до наших дней (например, в Турку на Таалинтхедас, на предприятии Стокфорса в Пюхтя), но строить их перестали с 1930-х годов³².

С развитием индустрии и быстрым ростом рабочего класса промышленники стремятся переложить заботу о жилье на плечи самих рабочих. В странах Западной Европы этот процесс отказа предприятий от обеспечения рабочих жильем начался уже со второй половины XIX в. В Финляндии о разного рода рабочих кооперативах для строительства жилья заговорили на рубеже XIX—XX вв.³³ В городах в начале XX в. жилищный кризис стал резко ощутим. Найти квартиру для рабочего, например в том же Турку, было практически невозможно, здесь 65% рабочих (а в отдельных кварталах и больше) могли снять только «угол»³⁴. Чтобы перевести рабочих на «самообеспечение», следовало создать сколько-нибудь приемлемые для них условия строительства частных или кооперативных домов. В 1910 г. в Финляндии насчитывалось 126 рабочих жилищных кооперативов («акционерных обществ»), из них половина в Хельсинки³⁵ и 26 — в Турку. Известно, что в Турку рабочие с большим трудом добивались от муниципалитета выделения участков для застройки³⁶.

В начале XX в. во многих городах возникают рабочие кварталы, такие, как Порт-Артур в Турку, Амур в Тампере, Хаапаниemi в Куопио и др. С 1898 г. рабочим стали давать банковские ссуды на постройку дома³⁷. Многие предприятия, особенно в сельской местности, оказывали рабочим поддержку в строительстве, что, во-первых, освобождало предпринимателя от затрат на постройку казарм и, во-вторых, привязывало рабочего к предприятию. Иногда предприятия сами строили дома и продавали рабочим готовые квартиры или покупали землю и сдавали ра-

²⁷ *Talve I. SKK. S. 274; Salkoranta M. Op. cit. S. 54; Huopainen R. Op. cit. S. 40; Sappinen E. Op. cit. S. 28; Aho M. Op. cit. S. 82.*

²⁸ *Talve I. SKK. S. 274; Hilpinen L. Littoinen. S. 13.*

²⁹ *Talve I. SKK. S. 275; Aho M. Op. cit. S. 28; Hilpinen L. Littoinen. S. 10.*

³⁰ *Talve I. SSK. S. 275; Hilpinen L. Littoinen. S. 12—13; Sappinen E. Op. cit. S. 34—35.*

³¹ *Talve I. SKK. S. 264; Salkoranta M. Op. cit. S. 57; Sappinen E. Op. cit. S. 35; Lehtonen J. U., E., Räsänen M. Op. cit. S. 51.*

³² *Aho M. Op. cit. S. 81; Talve I. Teollisuustyöväen työ- ja elämänoloista... S. 29; Huopainen R. Op. cit. S. 40.*

³³ *Nurmi V. Työsuhteasunnot. S. 12—13.*

³⁴ *Salkoranta M. Op. cit. S. 55, 60.*

³⁵ *Nurmi V. Työsuhteasunnot. S. 12—13.*

³⁶ *Salkoranta M. Op. cit. S. 54.*

³⁷ *Aho M. Op. cit. S. 81.*

бочим на льготных условиях участки под застройку³⁸. Лесопильни и деревообрабатывающие предприятия часто обеспечивали рабочих строительными материалами по сниженным ценам, транспортом для их подвоза и т. д.³⁹, что также свидетельствует о заинтересованности предпринимателя в наличии у рабочего своего жилья.

Строительство рабочими собственных жилищ на основе разных ссуд и организация кооперативов усиленно поощрялись и в период после первой мировой войны — благодаря этому в городах было построено почти 6,5 тыс. квартир (из них $\frac{2}{3}$ в Тампере и Хельсинки)⁴⁰.

Строительство домов рабочие вели в значительной мере своими силами: недавние крестьяне, они обычно владели плотницкими навыками. Мастеров нанимали только для кладки фундамента и печей, а когда требовалось сразу много рабочих рук (например, при подъеме стропил), собирали по старой традиции толоку⁴¹. Дом строился постепенно, помещение за помещением. Для выплаты ссуды требовались деньги, поэтому часто брали квартирантов, даже не имея для них отдельной комнаты⁴².

Процесс перехода от жизни в фабрично-заводских казармах и квартирах к собственным или снимаемым у домовладельцев квартирам шел медленно, темпы его были неодинаковы в городе и сельской местности, в разных отраслях промышленности и даже на разных предприятиях. Так, например, в пос. Улвила, где в начале XX в. жили преимущественно рабочие кожвенной фабрики Фритала, уже в 1901 г. 72,5% семей имело собственные жилища, но это необычно высокий показатель даже для сельской местности⁴³. В целом по стране в 1930 г. еще половина рабочих пользовалась квартирой от предприятия, в том числе и казармами⁴⁴. В крупной промышленности в этот же период лишь 13,8% рабочих имело собственное жилье, 35% жило в домах, принадлежавших предприятиям (данные 1927 г.)⁴⁵.

Разумеется, приобретение квартиры в собственность было недоступно огромному большинству рабочих, особенно в городах, так что решение жилищного вопроса шло путем строительства доходных домов и найма квартир. Но так или иначе, немислимая теснота рабочих жилищ постепенно исчезала, поднялся уровень их благоустройства — появились электричество, водопровод, канализация.

Как уже упоминалось, рабочие должны были сами обеспечивать себя едой как дома, так и на работе. Торговая сеть в конце прошлого века в Финляндии была развита еще очень слабо. Снабжение продовольствием, в том числе и в больших городах, шло в основном через рынок, ярмарки, а также путем подвоза припасов крестьянами прямо на дом покупателям. Еще в большей степени это относится к малым «пешеходным» городам и рабочим поселкам. Поэтому в первые десятилетия XX в. для горожан было характерно содержание собственного скота, возделывание огородов, кое-где даже посев зерновых. В тех местах, где позволяли природные условия, занимались и рыболовством⁴⁶.

Рабочие, в первую очередь семейные, брали участок земли под огород, сеяли также ячмень, держали кур, овец, иногда и коров, за лето обычно откармливали поросенка. Таким образом, господствовала, по терминологии финских этнографов, «припасная система хозяйства» (*vagastointalous*): в число «припасов» входили картофель, соленая салака,

³⁸ Ibid. S. 48, 52; *Sappinen E.* Op. cit. S. 28, 35.

³⁹ *Aho M.* Op. cit. S. 52.

⁴⁰ *Nurmi V.* Työsuhteidennot... S. 13; *Aho M.* Op. cit. S. 45; *Sappinen E.* Op. cit. S. 31.

⁴¹ *Aho M.* Op. cit. S. 52.

⁴² *Sappinen E.* Op. cit. S. 29.

⁴³ Ibid. S. 29—33.

⁴⁴ Ibid. S. 33.

⁴⁵ Цит. по: *Aho M.* Op. cit. S. 81.

⁴⁶ *Talve I.* SKK. S. 259—260; *Paulaharju S.* Vanha Raahe. Helsinki. 1925; *Sorvoja A.* Porin kauppari 1900—1940-vuosina. Satakunnan Museo. 1975. Pori. 1977; *Kuopiontori//Aarni I.* Kuopio, 1970; *Sappinen E.* Op. cit. S. 36 js.

свинина, мука. За мукой и крупами ездили на ярмарки в ближайшие города; рыбу привозили рыбороторговцы на место⁴⁷.

Характерны были местные рыночки: обычно в день полочки (расчет производился каждую неделю или раз в две недели) к заводу съезжались окрестные торговцы и крестьяне, привозя масло, мясо, муку, картофель. Тут торговали и тканями, галантереей, даже готовой одеждой⁴⁸.

В некоторых местностях имелись сельские лавочки, иногда при фабриках были небольшие магазины, где продавали в основном бакалейные товары⁴⁹. Молоко покупали на молочно-сливных пунктах или у окрестных крестьян.

Небогатый ассортимент припасов и скудость денежных средств определяли простоту и однообразие меню: варили каши — ржаную, овсяную, ячменную (сразу на неделю, затем разогревали по мере надобности), разные похлебки, картофель (его ели с соусом из свинины или с соленой салакой). Молоко шло в пищу как свежее, так и кислое, хлеб пекли дома⁵⁰.

На работе вследствие большой продолжительности рабочего дня (12—14 часов) для еды было два перерыва, обычно часовой и получасовой. Те, кто жил близко от предприятия, в большой перерыв ходили домой, другие же ели на работе. С собой на фабрику брали чаще всего бутылку кофе или молока, хлеб или бутерброды. Ели тут же, на рабочем месте, летом — во дворе. В 1920-х годах на некоторых предприятиях стали отводить специальные помещения, где рабочие могли в перерыв поесть принесенную с собой еду; столовые с горячей пищей появляются только в 1930-х годах⁵¹.

Из приведенного краткого описания некоторых сторон быта рабочих видно, что в конце XIX — начале XX в. еще сохранялись отдельные черты «патриархальных нравов», в том числе элементы натуральной оплаты труда. Как известно, «патриархальные порядки» на промышленном предприятии обычно вуалируют особенно жестокую форму эксплуатации и характерны для ранних этапов формирования рабочего класса, когда он не умеет еще бороться за свои права. Условия труда финских рабочих в тот период отражают именно такую форму эксплуатации.

Продолжительность рабочего дня вплоть до революции 1905—1907 гг. практически не ограничивалась законодательством. Он был, как уже говорилось, 12—14-часовым, а в некоторых случаях, например у строителей, и более длительным⁵². При наличии двух обеденных перерывов работа начиналась в 5—6 утра и заканчивалась в 7—8 вечера. Одним из требований, выдвигавшихся рабочими в 1880—1890 гг., было ограничение рабочего дня 10 часами. Законодательно 10-часовой рабочий день был установлен после 1905 г., и лишь с 1917 г. был введен 8-часовой рабочий день⁵³.

В некоторых отраслях промышленности широко применялся детский труд: например, на спичечных фабриках дети составляли во второй половине прошлого века 66% всех рабочих. Широко использовался детский труд на табачных фабриках. Правда, с 1879 г. законы ограничивают применение детского труда: запрещалось принимать на работу детей до 12 лет, труд подростков с 12 до 16 лет сокращался до 8 часов. Практически этот закон не соблюдался. При появлении проверочных комиссий, детей,

---

⁴⁷ *Talve I. SKK. S. 275; idem. Teollisuustyöväen työ- ja elämänoloista... S. 34—35; Nurmi V. Skinnarvik. S. 22; Huopainen R. Op. cit. S. 52; Lönnqvist B. Suomenruotsalaiset. Jyväskylä, 1981. S. 125.*

⁴⁸ *Nurmi V. Skinnarvik. S. 23; Huopainen R. Op. cit. S. 60.*

⁴⁹ *Huopainen R. Op. cit. S. 59; Hilpinen L. Op. cit. S. 21.*

⁵⁰ *Sappinen E. Op. cit. S. 26; Talve I. SKK. S. 275.*

⁵¹ *Sappinen E. Op. cit. S. 25; Talve I. SKK. S. 276; Hilpinen L. Littoinen. S. 8.*

⁵² *Talve I. Suomen sahatyöläisten... S. 23; Sappinen E. Op. cit. S. 24; Aho M. Op. cit. S. 68; Hilpinen L. Littoinen. S. 19.*

⁵³ Цит. по: *Talve I. SKK. S. 272 (подробнее см. Sipilä A. Suomea työoikeus. Imatra, 1947).*

не достигших «законного возраста», прятали где-нибудь в укромном месте, а рабочий день их длился столько же, сколько у взрослых⁵⁴.

Женщины работали преимущественно в текстильной промышленности (где составляли более 50% работающих); много их было и на бумажных фабриках (30%)⁵⁵. Практически же они трудились на всех предприятиях, включая даже лесопилки. Женщин использовали на физически более легких подсобных работах: сортировке и упаковке товара, уборке помещений и т. п. Подсобные работы оплачивались низко, и в среднем заработок женщины в то время составлял лишь половину средней заработной платы мужчины⁵⁶.

На работу брали только незамужних. С одной стороны, господствовала точка зрения, что «мать должна быть при детях», с другой — детских учреждений не существовало, да и бытовые условия не оставляли замужней женщине времени для наемной работы. Она варила обед, пекла хлеб, носила воду, стирала, ухаживала за огородом и домашней живностью, а также и обшивала семью, так как покупали обычно лишь верхнюю одежду и выходные костюмы для мужчин⁵⁷.

Низкий уровень механизации труда на промышленных предприятиях приводил к тому, что на одного-двух специалистов приходилось 10—15 подсобников⁵⁸. Подыскание чернорабочих в то время не представляло большого труда — в 1880-х годах, например, в Финляндии было много свободных рук⁵⁹.

Никаких профессиональных училищ вплоть до 1930-х годов в стране не существовало. Обучение шло «патриархальным путем» — очень часто отец обучал сына своей специальности; особенно это было характерно для старых предприятий (например, механических мастерских) и тех, где требовался большой навык и опыт, в частности у стеклодувов и т. д. Обычно же мастер показывал новичку, как следует делать порученную ему работу, и оставлял его затем под присмотром опытного рабочего. Разумеется, бывали случаи, когда рабочие не хотели делиться опытом с новичками. Кроме того, новичков, как правило, «гоняли», пользуясь их неосведомленностью: посылали достать несуществующий инвентарь, сделать какую-нибудь неосуществимую работу — наточить деревянные щипцы и т. п.⁶⁰.

Среди обычаев приема новичков на завод были, конечно, и унижающие их, а порой (особенно когда от труда нового работника зависел общий заработок) их силу и выносливость подвергали жестоким испытаниям. Так, в частности, было у портовых грузчиков. Если оказывалось, что новичок не сможет работать наравне с остальными, его просто выжиwali, наваливая на него непомерные тяжести⁶¹.

В целом, хотя и с некоторыми оговорками, можно сказать, что несмотря на разный характер работы в промышленности и в сельском хозяйстве, вчерашнему крестьянину освоить на производстве технику труда было, видимо, менее сложно, чем акклиматизироваться в производственном коллективе, столь отличающемся по укладу и нормам поведения от сельского общества.

Касаясь взаимоотношений внутри рабочего коллектива, нельзя не упомянуть об одном специфическом для Финляндии обстоятельстве. Не только старые промышленные предприятия, но и те, что возникали в последней четверти XIX в., основывались по большей части иностранными дельцами, в первую очередь шведскими, а также немецкими, датски-

⁵⁴ *Talve I. SKK. S. 272—273; Aho M. Op. cit. S. 68; Hilpinen L. Littoinen. S. 17, 19—20.*

⁵⁵ *Hilpinen L. Littoinen S. 7, 16, 18; Aho M. Op. cit. S. 24; Talve I. SKK. S. 272.*

⁵⁶ *Aho M. Op. cit. S. 30.*

⁵⁷ *Hilpinen L. Littoinen. S. 18; Sappinen E. Op. cit. S. 36—37.*

⁵⁸ *Talve I. SKK. S. 270; Aho M. Op. cit. S. 24—25; Nurmi V. Skinnarvik. S. 11 js.*

⁵⁹ *Talve I. SKK. S. 271.*

⁶⁰ Об инициационных обрядах при приеме на работу упоминается многими авторами, специально этому посвящена работа Л. Хилпинен, см.: *Hilpinen L. Pihtirasva ja vetolaastaria — Suomen teollistyöväestön tulokastavoista 1900 l. ensimmäisellä puolis-kolla//SE Turku, 1981. № 33.*

⁶¹ *Aukia M. Op. cit. S. 40 js.*

ми, английскими и др. Квалифицированные кадры (инженеры, мастера, специалисты по горнорудному делу, управляющие, конторские служащие) за отсутствием их на месте приглашались на заводы также из-за рубежа, прежде всего из Швеции и Германии⁶².

Старые предприятия основывались преимущественно на морском побережье, особенно на западном и юго-западном, т. е. в зонах расселения финляндских шведов. На заводы шла в первую очередь беднота из окрестных шведских деревень—бездельные крестьяне, рыбаки, ремесленники. Шведоязычным рабочим, естественно, было легче контактировать с иностранными мастерами, так как языком общения у руководящей верхушки на предприятиях и вообще в деловой сфере был шведский⁶³. Знание шведского языка помогало рабочим приобрести производственные навыки. В конце XIX в., когда промышленность в Финляндии начала развиваться в крупных городах, значительная часть шведоязычных рабочих ушла со старых заводов на новые предприятия, где их профессиональные навыки и владение шведским языком позволяли им занять лучшие позиции, чем финским мигрантам из деревни. Стоит отметить, что на рубеже XIX—XX вв. рабочих среди финляндских шведов было свыше 15%, а среди финнов лишь около 8%⁶⁴. Из определенной части шведоязычных рабочих сложилась своего рода рабочая аристократия, державшаяся особняком. Характерно, что в годы первой российской революции, как и в 1917—1918 гг., шведоязычные рабочие стояли в основном в стороне от рабочего движения⁶⁵.

В «переломный период» в Финляндии преобладали небольшие предприятия: так, на стекольных заводах работало в среднем по 100—120 человек, а на всех обувных фабриках (их было 16) — 1160 человек. Крупных предприятий, таких, например, как фабрика Финлейсона в Тампере, где уже в 1870 г. числилось 2325 рабочих, было очень мало⁶⁶.

Таким образом, на многих предприятиях, особенно расположенных в сельской местности, трудовой коллектив представлял «малое общество», где каждый знает каждого и связан с ним ежедневными контактами того или иного рода⁶⁷. Большинство работающих, за исключением «самых сливок», контактировало и во вне рабочее время⁶⁸. Правда, свободного времени у рабочих почти не было, ведь большая часть суток проходила на предприятии. На некоторых заводах не предоставлялось даже выходного дня⁶⁹, на большинстве предприятий свободным было воскресенье, а в субботу работа заканчивалась на час — два раньше обычного. Однако, несмотря на это, определенные формы контактов как между рабочими, так и между их семьями существовали. В частности, в казарменных жилищах и домах на несколько квартир неизбежны были переговоры об очередности уборок мест общего пользования и двора. Хозяйки часто обращались к соседям, чтобы взять займы что-нибудь из домашней утвари или из продуктов (сахар, соль, кофе), а иногда и денег. Обычным было зайти к соседке днем просто поговорить, выпить чашку кофе. Как правило, складывались группы из нескольких семей рабочих, друживших между собой и ходивших друг к другу в гости, что могло происходить и без приглашения⁷⁰. Часто объединялись какие-то группы семей по разным причинам: кооперировались с соседями для подписки на газеты, вместе ходили на ярмарку для закупки провизии, а заодно повеселиться⁷¹.

В свободные вечера мужчины собирались поговорить, выпить водки

⁶² Lönnqvist B. Op. cit. S. 117—118; Aho M. Op. cit. S. 15; Salkoranta M. Op. cit. S. 3; Huopainen R. Op. cit. S. 5, 7.

⁶³ Lönnqvist B. Op. cit. S. 115, 124—125; Talve I. SKK. S. 267.

⁶⁴ Lönnqvist B. Op. cit. S. 19; Talve I. SKK. S. 269.

⁶⁵ Lönnqvist B. Op. cit. S. 126—127.

⁶⁶ Talve I. SKK. S. 268, 270.

⁶⁷ Pieniä teollisuusyhdyskuntia I//TYKM. Turku. 1983. № 20.

⁶⁸ Ibid S. 1—3.

⁶⁹ Talve I. SKK. S. 276; Huopainen R. Op. cit. S. 71; Nurmi V. Skinnarvik. S. 19; Hilpinen L. Littoinen. S. 20.

⁷⁰ Hilpinen L. Littoinen. S. 20, 26; Huopainen R. Op. cit. S. 69—70.

⁷¹ Huopainen R. Op. cit. S. 70, 72; Hilpinen L. Littoinen. S. 27.

или пива. Летом это часто происходило на свежем воздухе, в каком-нибудь определенном облюбованном месте. Молодежь летом обычно имела свою площадку для игр и танцев, зимой для этого подыскивали подходящее помещение⁷².

В целом в фабрично-заводских поселках рабочие находились в достаточно близких и непринужденных контактах друг с другом, хотя это не означало полной бесконфликтности. Как замечает один из информаторов, «бедность, теснота, зависть делали людей раздражительными»⁷³.

Не только администрация и инженеры, но и мастера держались в стороне от рабочих. Определенная грань проходила также между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Это проявлялось и в повседневном быту и отражалось на семейных связях — при выборе брачных партнеров, крестных родителей и т. п. В целом каждый придерживался своего круга⁷⁴.

Довольно сложными были взаимоотношения рабочих из фабрично-заводских поселков с окружающим населением. С одной стороны, приток рабочих на предприятия в основном шел из ближайших окрестностей, и рабочие имели где-то неподалеку в деревне родственников — родителей, братьев или сестер. Посещение родственников в свободный день было обычным делом, особенно для молодых, несемейных рабочих⁷⁵. Но, включая эти родственные контакты, общение рабочих с окрестным крестьянством было слабым, между ними существовал определенный антагонизм, имевший, несомненно, социальную основу⁷⁶. В рабочие шли люди из семей мелких арендаторов-торпарей и безземельных крестьян, и именно с ними рабочих связывали родственные отношения. Крестьяне-дворохозяева и в сельском обществе были отделены от бедноты достаточно ощутимым социальным барьером, еще реальнее он был в их отношениях с рабочими. Эти противоречия проявились уже в годы первой российской революции и стали еще очевиднее после Октябрьской революции. «Политическое пробуждение развело рабочих и крестьян-дворохозяев в разные лагеря», — говорит об этом времени один из исследователей⁷⁷. Характерный случай рассказали жители из Тоурула — деревни, постепенно превращавшейся в те годы в рабочее предместье г. Ювяскюля: один из крестьян в 1918 г. отдал свой хлев под временную тюрьму, где каратели держали пленных революционеров, — и все жители поселка порвали с ним отношения⁷⁸.

Если фабрично-заводские поселки представляли «малое общество», то в городах дело обстояло, естественно, иначе. Хотя в них и выделялись рабочие кварталы и пригороды, но здесь жили рабочие с разных предприятий, не связанные между собой на производстве. Население этих частей города обычно было невелико — несколько сот человек, все они знали друг друга в лицо. Однако соседские контакты, как правило, не выходили за пределы нескольких ближайших домов. Так, например, в 1920-х годах в Хаапаниеми примерно пятая часть опрошенных не имела никаких контактов с соседями, половина поддерживала их, некоторые даже дружили с соседями и приходили в гости на семейные или календарные праздники. Контакты обычно ограничивались лишь пределами своего двора, а первое место в общении занимали связи с родственниками, жившими как в других частях города, так и в деревне⁷⁹. Жители Хаапаниеми не упоминали о каких-либо социальных барьерах; видимо, население этого предместья было, во всяком случае на раннем этапе обследования (1920-е годы), достаточно социально однородным. Напротив,

⁷² *Hilpinen L.* Littoinen. S. 26—27.

⁷³ *Ibid.* S. 27.

⁷⁴ *Aho M.* Op. cit. S. 30; *Nurmi V.* Skinnarvikin lasitehdasyhdyskunnan aktiviteettikenttä... S. 66. *Idem.* Skinnarvik. S. 14. 66, 69. *Sappinen E.* Op. cit. S. 59.

⁷⁵ *Hilpinen L.* Littoinen. S. 26.

⁷⁶ *Nurmi V.* Skinnarvikin lasitehdasyhdyskunnan aktiviteettikenttä... S. 14, 66, 69; *Sappinen E.* Op. cit. S. 59; *Hilpinen L.* Littoinen. S. 19.

⁷⁷ *Hilpinen L.* Littoinen. S. 19; ср. также *Sappinen E.* Op. cit. S. 59.

⁷⁸ *Anttila V.* Op. cit. S. 113.

⁷⁹ *Lehtonen J. U. E., Räsänen M.* Op. cit. S. 86 js.

в Тоурула (рабочем предместье Ювяскюля) существовали четкие социальные барьеры. «Рабочие дружили с рабочими», но и здесь не было полного равенства: работники железной дороги считали себя рангом выше всех остальных. При этом сами они придерживались еще и внутренней субординации: машинист был рангом выше кондуктора, кондуктор выше проводника и т. д. Характерно, что эти социальные барьеры сказывались и на детях: дети рабочих не играли с детьми железнодорожников, этого им не разрешали родители⁸⁰.

Приведенные примеры иллюстрируют то положение, что в условиях города, даже в пределах рабочих кварталов или предместий, небольших по числу жителей, соседские контакты были слабее, чем в фабрично-заводских поселках.

В рамках статьи нет возможности остановиться на всех сторонах рабочего быта, изученных финскими этнографами. Но, отмечая разносторонность исследований, нельзя не пожалеть, что один его аспект остается до сих пор в сущности вне поля зрения этнографов — это рабочая семья, ее состав, численность, внутрисемейные отношения⁸¹. Изучение этой проблемы необходимо, хотя, несомненно, потребует большого труда. Исследование развития финской семьи на «переломном этапе» тем более важно, что начавшийся тогда процесс сокращения ее численности стал в наши дни в Финляндии острой социально-демографической проблемой.

Подводя итоги, можно констатировать, что широко проведенный сбор материалов по быту рабочих периода 1870—1920-х годов дал уже немалые результаты.

Основная масса исследователей весьма трезво подходит к оценке условий производственного и домашнего быта рабочих в те годы и вполне четко осознает, что переходный период с его пережитками «патриархальных нравов» был временем жесточайшей эксплуатации трудящихся, живших по большей части в нищете, тесноте и несправии. Отмечается и тот непреложный факт, что некоторое улучшение положения рабочих, практическое развитие рабочего законодательства начинается лишь тогда, когда рабочие формируются как «класс для себя» и оказываются в состоянии организованно отстаивать свои права, т. е. со времени революции 1905—1907 гг., — в то время в Финляндии существовала уже более чем сотысячная армия пролетариата.

Итак, финские этнографы во многом заполнили существенный пробел в истории или, точнее, этнографии рабочего быта, и есть все основания ждать обобщающих работ по «переломному периоду». Нельзя не напомнить, что без изучения этого этапа невозможно было бы подойти к изучению современного быта рабочих.

⁸⁰ Anttila V. Op. cit. S. 110 - 112.

⁸¹ Некоторые данные о размерах и составе рабочих семей, причем весьма противоречивые, содержатся в ряде работ, см.: Yliaho T. Tehtaalainen lounaisessa Hämessä. Jokioisten naulatehtaan työntekijän muotokuva, n. 1900—1940. Helsinki, 1984; Eenilä J. Op. cit.; Teinonen M. Porilainen perhe 1881—1931. Turku, 1984. № 12.

В. Г. Балущок

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА УКРАИНСКИХ ЦЕХОВЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ {XVI — середина XVII в.}

При изучении традиционного народного быта и особенно обычаев и обрядов восточных славян этнографы в большинстве случаев обращаются к сельской культуре. Традиционная же культура города до сих пор исследовалась сравнительно мало. Из фундаментальных работ, посвященных этой теме можно назвать, пожалуй, только монографию М. Г. Ра-